

ДЕТЕКТИВ-**Н**ОСТАЛЬГИЯ

Пригавар на брудершафт

Полное
погружение
в атмосферу
эпохи 80-х

Геннадий СОРОКИН

Детектив-Ностальгия

Геннадий Сорокин

Приговор на брудершафт

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сорокин Г. Г.

Приговор на брудершафт / Г. Г. Сорокин — «Эксмо»,
2022 — (Детектив-Ностальгия)

ISBN 978-5-04-175012-1

1987 год. В руки слушателя Высшей школы МВД Виктора Воронова попало старое уголовное дело. Приговор по нему давно вынесен, преступник отбывает заслуженное наказание. Но заслуженное ли?.. Внимательно изучив обстоятельства происшествия, Виктор приходит к выводу, что обвинение по делу было мастерски сфальсифицировано. Получается, что преступник на самом деле жертва продуманного сговора. Но чьего? Воронов решает провести самостоятельное расследование. Он находит основных участников тех событий и выясняет истинный мотив преступления, который поражает будущего опера своим коварством...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-175012-1

© Сорокин Г. Г., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

1	8
2	11
3	15
4	19
5	23
6	28
7	33
8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Геннадий Сорокин

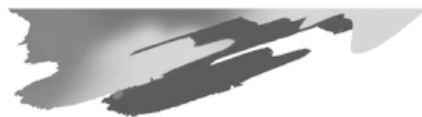
Приговор на брудершафт

© Сорокин Г.Г., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

ДЕТЕКТИВ-**Н**ОСТАЛЬГИЯ

ГЕННАДИЙ СОРОКИН

Приговор
на брудершафт

МОСКВА
2022

1

– Воронов, что вы улыбаетесь, как Ален Делон?

Урок начался с обычных придинок. Когда англичанка была не в духе, мишенью для остроумия она выбирала Воронова. Иногда их диалоги проходили на английском языке, иногда – на русском. В подгруппе Воронова никто из слушателей не обладал даже зачаточными знаниями английского языка, так что обращение к Виктору на русском должно было подчеркнуть степень недовольства англичанки.

– Прошу прощения, замечтался.

– Мечтать надо в другом месте. И улыбаться, как мартовский кот, во время занятий не стоит.

Все, кто сидел у окна, посмотрели на улицу. На крыше административного корпуса еще лежал снег, но по краям уже стали свисать набухающие влагой сосульки. Конец марта! Третья пара, за окном – благодать!

«Черт возьми, знать бы, кто этот Ален Делон и как он улыбается! – с раздражением подумал Воронов. – Никогда в жизни его не видел. Слышал, что он не пьет одеколон, ну и что с того? Я тоже одеколон не пью, но не кричу об этом на каждом углу. Впрочем, зря я на хорошего мужика наговариваю. Ален Делон своего мнения о вкусе одеколона не высказывал. Это группа «Наутилус-Помпилиус» про его отношение к одеколону поет. Вот бы он удивился, когда узнал содержание песенки про себя».

Англичанка подошла к доске, брезгливо, двумя пальцами, потрогала тряпку. В начале учебного года она предупредила слушателей, что у нее аллергия на сухой мел и тряпка всегда должна быть влажной.

– Who is the duty cadet?¹ – недовольным тоном спросила она.

В подгруппе специально для англичанки дежурного не назначали. Обычно поднимал руку слушатель, которому вместо скучного урока хотелось прогуляться на третий этаж и там, в туалете, намочить тряпку. В этот раз дежурным решил вызваться Юра Величко, женатый двадцатипятилетний парень с широкими скулами и оттопыренными ушами. Англичанка считала его самым бездарным учеником в группе. К концу первого семестра Юра так и не запомнил английский алфавит.

– Ворон, – зашипел Величко, обернувшись к Виктору, – скажи, как это будет?

– I am fool².

Величко поднял руку. Англичанка удивилась и стала похожа на хозяйку попугая, который после многолетнего молчания внезапно заговорил человеческим языком.

– Слушаю вас, Величко.

Юра встал, одернул китель и радостно отрапортовал:

– Ай эм фул!

Англичанка осталась невозмутимой. На ее бледном красивом лице не дрогнул ни один мускул. Глядя куда-то в конец класса, она холодно произнесла:

– Воронов, go out!³

Виктор встал, взял доставшийся ему по наследству от старшекурсников дерматиновый дипломат и пошел к двери. На выходе остановился.

– Видит бог, я не хотел! – прижимая руку к груди, сказал он.

– Еще слово, и мы встретимся у начальника кафедры, – пригрозила англичанка.

¹ Кто дежурный слушатель? (англ.)

² Я дурак.

³ Выйдите.

Воронов не стал спорить и вышел. Никто в группе не понял, что произошло. Большинство слушателей решили, что причина изгнания кроется в улыбке мартовского кота, а наивный Величко подумал, что это он искажил подсказку, вызвал гнев англичанки, и она выгнала Воронова ни за что.

Воронов не стал спешить в общежитие. Он зашел в курительную комнату, располагавшуюся через фойе от их класса. До Нового года это помещение было мужским туалетом. В январе 1987 года руководство Дальневосточной высшей школы МВД СССР сменилось, начальником стал полковник Толмачев, бывший завкафедрой Академии управления МВД СССР. Проинспектировав учебный корпус, Толмачев распорядился туалет на четвертом этаже ликвидировать, вместо него сделать комнату для курения. Сборная бригада слушателей снесла в туалете перегородки, демонтировала сантехническое оборудование и трубы. Дыры в полу залили бетоном, посреди пустого помещения установили две раковины для окурков. Народу в курилке за день бывало так много, что к концу учебного дня раковины наполнялись до краев. После каждой перемены в бывшем туалете стоял густой дым, который не выветривался через вентиляционные решетки и просачивался в коридор.

Виктор закурил, посмотрел на административный корпус, на гирлянду сосулук, нарастающих вдоль крыши, на пошатывающуюся на ветру антенну радиосвязи.

«Она определенно что-то знает про Дело, – уже в который раз подумал он. – Все началось месяц назад, когда англичанка стала свидетелем нашего спора о мотивах морячка. С тех пор она опасается меня. Старается не подавать виду, но ведет себя уже не так надменно, как в начале года. Она или сама участвовала в этом деле, или была как-то замешана в нем».

«Делом» Воронов называл архивное уголовное дело по обвинению бывшего моряка дальнего плавания Долматова в изнасиловании несовершеннолетней Елены Дерябиной.

«Сегодня я, конечно же, сглупил, покуражился над Величко, но он сам виноват! Чего он лезет? Выслужиться хочет, тройку заработать за семестр? Она ему и так тройку поставит, без беготни с мокрой тряпкой. Она ведь прекрасно понимает, что Юра не для того в школу поступил, чтобы английский язык изучать. С кем он на английском говорить будет? С иностранными туристами? Откуда они в его родном Омске возьмутся? В туристическую поездку приедут, заводским смогом подышать? Если появятся, Юру к ним близко не подпустят, так что нужен ему этот английский, как собаке пятая нога!»

Стекла в комнате для курения задрожали: над школой пролетел реактивный стратегический бомбардировщик. Эти огромные самолеты проходили техническое обслуживание на 12-м авиационном ремонтном заводе, примыкавшем к Центральному аэродрому. На взлете их курс проходил над школой. Набирающий скорость и высоту бомбардировщик обычно не был виден, но грохот от него стоял такой, что разговаривать было невозможно. Заслышав нарастающий гул самолета, слушатель, отвечающий у доски, прерывался на полуслове и продолжал ответ, только когда самолет улетал. Особого неудобства полеты бомбардировщиков не доставляли, тем более что летали они исключительно в первой половине дня.

«В январе англичанка сказала, что если я еще раз помешаю ей вести урок, то она напишет докладную начальнику кафедры. В феврале она подслушала разговор и больше мне не угрожала, сводила все выходки к шутке. Сегодня я, видать, допек ее. Придется после уроков попросить прощения».

Воронов затушил окурочек, спустился на первый этаж. От учебного корпуса до общежития первокурсников было метров восемьдесят – идти минуты две, но эти метры были самыми опасными участками пути. По дороге в общежитие мог встретиться грозный помощник начальника школы по строю полковник Трубачев или офицеры учебного отдела. Их наверняка бы заинтересовал слушатель, прогуливающийся по территории во время учебных занятий. Самым лучшим способом не привлечь к себе внимание было не скрываться ни от кого, идти неспешно, с задумчивым видом.

Выйдя на улицу, Воронов ничего подозрительного не заметил и пошел вперед. На открытом пространстве перед КПП его никто не окликнул, эту часть пути он прошел незамеченным. Сложности могли начаться в общежитии, но Виктор был уверен, что проскочит. Осторожно открыв дверь, Воронов посмотрел на дневального на тумбочке. Парень из параллельной группы стоял как истукан, словно он был не отслужившим в армии мужчиной, а солдатом-первогодкой. Виктор кивнул: «Где?» Дневальный не отреагировал. Не успел Воронов шагнуть вверх по лестнице, как появился замполит курса.

– О, а ты чего это прогуливаешься среди бела дня? – спросил Виктор Васильевич.

Отпираться было бесполезно.

– С урока выгнали, – честно признался Воронов.

– Пошли в канцелярию, – велел замполит.

Виктор прожег дневального негодующим взглядом и поплелся вслед за офицером.

2

Начальник курса подполковник милиции Трушин курил за рабочим столом. Курил он очень много, пачки по две-три в день. Увлечшись разговором или размышляя о работе, Трушин незаметно для себя доставал «Астру», прикуривал и уже через некоторое время тянулся за новой сигаретой. Увидев Воронова, начальник курса «удивился»:

– Что-то случилось? Наверное, ты посреди урока заболел и пошел в медпункт, но по пути тебе стало еще хуже, и ты повернул в общежитие?

– С урока выгнали, – повинулся Воронов.

Трушин посмотрел на расписание занятий 1-го «Б» курса, нашел 16-ю группу.

– С английского? Рассказывай, что ты на сей раз натворил.

– Я ничего не сделал, это Величко во всем виноват. Он хотел тряпку намочить, а выгнали меня.

– Ты по порядку рассказывай, а я решу, кто из вас что хотел и кого надо наказывать.

– Англичанка, то есть Ирина Анатольевна, говорит: «Воронов, что вы улыбаетесь, как Ален Делон?»

– Ты улыбался? – строго спросил начальник курса.

– Наверно, да.

– Как Ален Делон? – еще строже спросил Трушин.

– Геннадий Федорович, я не знаю, кто такой Ален Делон! Я не видел его никогда в жизни.

Замполит и начальник курса переглянулись.

– Ален Делон – известный французский актер, – напомнил замполит. – Фильм «Тегеран-43» видел? «Зорро», «Конкорд»? Ты ни одного фильма с его участием не смотрел? Странно.

– Воронов, давай дальше! – приказал Трушин. – Я сомневаюсь, что она тебя только за улыбку выгнала.

– Потом Ирина Анатольевна захотела намочить тряпку. У нее аллергия на мел. Она спросила, кто дежурный по группе. Величко решил, что если он не готов к уроку, то надо как-то задобрить Ирину Анатольевну. Он спросил у меня, как будет по-английски: «Дежурный – я». Я пошутил, а он не понял и повторил.

– Привыкай докладывать все обстоятельно, а не перепрыгивая с места на место, – назидательно сказал Трушин. – Ирина Анатольевна по-английски спросила, кто дежурный?

Воронов согласно кивнул.

– Понятно. Что же ты подсказал Величко?

– Ай эм фул!

– Переведи.

– Я дурак!

Трушин печально вздохнул.

– Она будет жаловаться? Нет? Это ты так думаешь, что нет, а я уже однажды за твои выходы оправдывался. Что ты в прошлый раз перепутал?

Воронов скривился, словно случайно разжевал перец горошком.

– Под Новый год я написал на классной доске поздравление «Happy new year, darling teacher!». Она вошла, глянула на доску и говорит: «Воронов, я вам не крошка! Выйдите вон и не мешайте проводить занятия». После урока я подошел и спросил, что не так в моем поздравлении. Если перевести на русский, то я написал: «С новым годом, дорогой учитель!» Ирина Анатольевна сказала, что если я не знаю точный перевод, то писать всякую чушь на доске не стоит. Оказывается, вместо того чтобы написать dear – дорогой, я написал darling, что тоже значит дорогой, но с подтекстом, что у нас с ней близкие отношения.

– Ты где такое слово вычитал? – спросил замполит.

– В книжке, – вздохнул Воронов. – Там муж жене говорит: «Не поехать ли нам в отпуск, darling?» Ниже перевод – «дорогая». Почему в текст автор, португалец, вставил английское слово, я не знаю.

– Так то он жене говорит, а ты на доске преподавателю такое поздравление написал! – воскликнул замполит. – Правильно сделала Ирина Анатольевна, что выгнала тебя.

– Вот что, Воронов, – обратился к Виктору начальник курса. – Хочу тебе сказать: ты не находишь, что у тебя с Ириной Анатольевной странные отношения? Вы ведете себя не как преподаватель и ученик, а как мужчина и женщина, которые флиртуют, кокетничают, а что хотят друг от друга – не знают. Она ни на кого больше не жалуется, только на тебя. Ты не пробовал поговорить с ней на эту тему?

– В смысле? – не понял Виктор.

– Остался бы после уроков и сказал: «Ирина Анатольевна! Мне скучно на занятиях, и поэтому я мешаю вам вести уроки. Но у меня такая тяга к изучению английского, что просто в груди жжет. Позанимайтесь со мной в индивидуальном порядке». Она бы пригласила тебя к себе домой, чаем угостила бы, а может, чего покрепче поднесла бы, и вы бы с ней выяснили, какие в слове «дорогая» есть оттенки.

– Она меня старше на сто лет, зачем я к ней в гости пойду?

– Как в классе с ней заигрывать, так ты мастер, а как один на один остаться, так испугался? Ты на Ирину Анатольевну зря не наговаривай. Ей всего тридцать лет. Она – симпатичная молодая женщина, незамужняя, обеспеченная, с квартирой. Я, Виктор, ни на что не намекаю, но ты подумай над моими словами и эти свои дурацкие выходки прекращай. Если она на тебя пожалуется, готовься пойти в наряд на КПП.

– Через час пара закончится, – напомнил замполит. – Иди к ней, попроси прощения.

– Как Ален Делон больше не улыбайся! – посоветовал напоследок начальник курса.

После ухода Воронова Трушин спросил:

– Сколько она уже работает у нас?

– Почти два года.

– Странно, что она до сих пор себе мужа не нашла. Симпатичная женщина, на нее столько слушателей заглядывается, а она все кого-то выбирает, принца на белом коне ищет.

– Может, она так научной работой увлеклась, что никого вокруг себя не видит?

– Видит! Наукой она могла бы и в гражданском вузе заниматься, а она в Высшую школу МВД пошла, где все ученики уже после армии. Что не парень – то готовый жених. К тому же одевается она...

Под Новый год начальник кафедры иностранных языков Васильев пригласил Трушина побеседовать. Васильеву было около пятидесяти лет. Как и все преподаватели на кафедре иностранных языков, он был гражданским, а не аттестованным сотрудником. Рассказав начальнику курса о плачевном состоянии с иностранными языками у первокурсников набора 1986 года, Васильев перешел к конкретным примерам. Трушин молча выслушал его и сказал:

– Владимир Алексеевич, что вы хотите от парней? Они пришли сюда право изучать, а не иностранные языки. Вы же сами летом проводили собеседование и видели, какой уровень подготовки у абитуриентов. Что могло измениться за три месяца? Ничего. Возьмем, к примеру, слушателя Расторгуева. В средней школе он изучал французский язык. У нас французский не преподают, и Расторгуев с нуля начал изучать английский. Какие вы от него знания хотите за два занятия в неделю? Если здороваться на английском научится, уже хорошо!

– При собеседовании некоторые абитуриенты проявили неплохие знания английского. Воронову бы я поставил твердую четверку. У него неплохие базовые знания, но Ирина Анатольевна...

Васильев замялся. Истинный интеллигент, он не знал, как перейти к неприятной части разговора. Трушин понял, о чем пойдет речь. Он заложил руки за спину, прошелся по кабинету.

– В прошлом году мы набрали 150 слушателей, – начал Геннадий Федорович. – По различным причинам были отчислены восемь человек, осталось – 142. Часть из них живет в городе, около ста человек – в общежитии. Все они молодые здоровые мужчины в возрасте от 20 до 30 лет. Выйти за территорию школы они могут только в выходные дни, остальное время проводят здесь, в четырех стенах. Нет слов, вечером контроль над слушателями ослабевает, и они могут вырваться в город, но что там делать? Познакомиться с девушкой можно только случайно. Деньгами мои парни не богаты, по ресторанам не ходят. Танцев зимой в горсаду нет, словом, в будний день проще в общежитии просидеть, чем искать неизвестно кого и неизвестно где. Создается эффект замкнутого пространства, когда каждая женщина внутри очерченного круга кажется красавицей. У нас в школе работает не так много женщин. Самая молодая и симпатичная из них – Ирина Анатольевна. Естественно, что слушатели будут уделять ей знаки внимания.

Трушин остановился напротив Васильева, посмотрел ему в глаза.

– Ирина Анатольевна носит такие обтягивающие юбки, что даже у меня, примерного семьянина, шальные мысли возникают. Представьте, что творится на душе у парней, когда они видят ее у классной доски, когда она им алфавит объясняет! Они ведь не о буквах в этот момент думают, а о чем-то другом, более приятном.

– Воронов... – начал было начальник кафедры, но опять замялся.

Геннадий Федорович продолжил:

– Ирина Анатольевна сама провоцирует его. Зачем она в прошлый раз сказала: «Воронов, половое любопытство бежит впереди вас»? Не представляю, что они обсуждали на уроке, но сказала она именно так. Вы не подумайте, что слушатели бегают ко мне после занятий и докладывают, что происходило на уроках. Об этой фразе я узнал совершенно случайно и никому о ней не говорил.

– Вы хотите, чтобы я сделал Ирине Анатольевне замечание по поводу методики проведения занятий? – посерьезнел Васильев. – Я не буду с ней об этом говорить. И о внешнем виде замечание ей делать не буду.

– Я бы тоже не стал! – согласился Трушин. – Стоит ее папе бровью повести, как и у меня, и у вас будут большие неприятности. Давайте договоримся так. Я накажу Воронова...

– Нет-нет! – запротестовал Васильев. – Не надо его наказывать. Просто поговорите с ним, чтобы больше не мешал Ирине Анатольевне уроки вести. Пускай на ее занятиях к другим предметам готовится.

Трушин, как старший товарищ, поговорил с Виктором. Два месяца Воронов держался, старался молчать, но потом опять нарвался на неприятности.

... Выйдя от начальника курса, Виктор поднялся к себе в комнату, скинул китель, лег на кровать поверх одеяла. Задумался.

«Англичанка похожа на гусеницу-землемера: такая же гибкая и стройная. У нее вытянутая талия, красивые бедра, стройные ноги... Но идти к ней в гости? Чем это закончится? Как мне потом себя на ее уроках вести? К тому же – Дело! Она определенно что-то знает про него. Схожу после пары, попрошу прощения. Может, все обойдется, а если нет, то придется на КПП куковать».

На въезде в Дальневосточную высшую школу МВД СССР стоял КПП, службу на котором несли милиционеры комендантского взвода. Ворота на КПП открывались дистанционно: дежурный по КПП нажимал кнопку, ворота отъезжали в сторону. Для наказания нерадивых слушателей был придуман наряд на КПП. Электродвигатель специально отключали, и ворота приходилось двигать вручную. Мало того, наказанному слушателю необходимо было весь день,

в любую погоду, стоять на улице, высматривая автомобили, движущиеся на территорию школы. Воронов еще ни разу не попадал на КПП, но внутренне был готов к наказанию.

После третьей пары Виктор вернулся в класс. Одногоруппники поспешили выйти из помещения, оставив его с англичанкой один на один.

– Воронов, – первой начала разговор Ирина Анатольевна, – вы знаете, что я веду уроки по своей собственной методике. Я не ставлю слушателям оценки до конца года, не задаю домашних заданий. Сегодня, после вашего ухода, я решила внести изменения в ход занятий. Мне кажется, что вам больше не стоит приходить на мои уроки. В конце семестра сдадите зачет, и будем считать, что программу за учебный год вы выполнили. Чтобы ни у кого не возникло вопросов по поводу вашего отсутствия на занятиях, я запишу в план, что вы по индивидуальному графику готовите реферат по английскому языку. Что-нибудь о наркомании сможете?

– Смогу, – заверил Виктор.

– Вот и чудесно! Наркомания сейчас – самая ходовая тема. Все кафедры должны представить научные работы по борьбе с наркоманией. Если у вас будут проблемы с переводом, мы можем обсудить их в более спокойной обстановке, чем во время урока.

У Ирины Анатольевны было узкое лицо, гладкая белая кожа, немного крупноватый прямой нос, тонкие ярко накрашенные губы. Когда она улыбалась, создавалось впечатление, что она улыбается неискренне, а лицемерно, в силу приличия. Смеющейся от души англичанку Воронов никогда не видел.

– Оказывается, с вами очень просто найти общий язык, – сказала Ирина Анатольевна. – Это минус мне как преподавателю. Давно надо было занять вас делом, а не поощрять безделье, ведущее к глупым шуткам.

Англичанка улыбнулась Воронову, но не как слушателю, постороннему человеку, а как интересному молодому мужчине, с которым она достигла тайного взаимовыгодного соглашения.

– До свидания, Воронов. Была рада, что мы обо всем так быстро договорились.

Ирина Анатольевна прижала к груди бумаги и вышла из класса.

3

В комнате Воронова, в ожидании построения на обед, собрались его друзья: Рогов, Вождь и Слон. Все они жадно курили, в небольшом помещении было не продохнуть.

– О-па! – увидев Воронова, воскликнул Вождь. – Все те же и Ворон по кличке Ален Делон. Как прошло randevу с горгоной Медузой? Она простила тебя или приговорила к публичной порке?

– Перевела на индивидуальный график. Теперь я больше не буду ходить на ее занятия. Парни многозначительно переглянулись.

– Ворон, процесс пошел? – осторожно спросил Слон.

– Конечно, пошел! – заерзал на стуле от нетерпения Вождь. – Ты же видишь, он вернулся задумчивый, прикидывает, что да как. Ворон, ты не теряйся и помни: мы всегда с тобой!

Виктор согнал друзей со своей кровати, снял китель, лег. Вождь продолжил:

– Ворон, послушай, ты – часть коллектива. Вся группа смотрит на тебя. Ты не смотри, что ей тридцать лет. Она женщина в самом соку. С ней будешь как у Христа за пазухой: сыт, пьян, обласкан. Я бы сам закрутил с ней, но она на меня внимания не обращает, а с тобой флиртует, заигрывает. Ворон, ты о нас подумай. Представь, что мы поручили тебе ответственное задание.

Слон засмеялся:

– Ворон, женись на ней! Наплюй, что у вас большая разница в возрасте. Подумай о своем будущем! Ты на ней женишься, ее папа вам трехкомнатную квартиру в центре города выделит. Окончишь школу, он тебя на тепленькое местечко устроит, и будешь жить-кайфовать. Мы будем в райотделах над уголовными делами корпеть, а ты в краевом УВД полковничью должность получишь, будешь умные бумажки составлять да с проверками ездить.

– Заткнись! – перебил его Вождь. – Ворон, женитьба – дело серьезное, мы подбивать тебя на необдуманные поступки не станем. Но ты подумай о нас! В конце семестра будет зачет. Его никто не сдаст, все завалят. Она сегодня показала текст, который надо будет прочитать и перевести. Ворон, это выше человеческих сил. Я никогда не осилю эту абракадабру. Ты – наша надежда, ты все можешь исправить. Займись с ней «индивидуальными» занятиями. Придешь в гости, то-се, удержишься до позднего вечера, глянешь на часы и в отчаянии воскликнешь: «Что я наделал! Ворота в школу уже закрыты. Мне сегодня в общежитие не попасть!» Она тебя пожалеет, оставит переночевать, и дело пойдет. Если у вас начнется любовь, то она никого на зачете не завалит. Она же не будет издеваться над одноклассниками любимого мужчины! Она нам все простит, даже Юре Величко зачет поставит. Она Бича похвалит, если он до середины алфавита дойдет.

– Кстати, о Юре! – вмешался в разговор Рог. – Ты чего сегодня ему подсказал? Он до сих пор не знает: обижаться на тебя или прощения попросить.

Воронов не стал отвечать. В коридоре дневальный скомандовал построение на обед. Парни затушили сигареты и пошли на улицу.

После обеда слушателям отводился час на отдых, потом наступало время самоподготовки. Два часа каждый слушатель обязан был находиться в классной комнате, готовиться к занятиям на следующий день. Отлучаться разрешалось только в библиотеку, на хозяйственные работы или культурно-массовые мероприятия. В первые месяцы явку на самоподготовку контролировали все кому не лень: руководство курса, офицеры учебного отдела, старшина курса и помощник начальника курса.

Старшина и помощник Трушина были однокурсниками Воронова, но их самоподготовка не касалась. День и ночь они были погружены в административно-хозяйственную деятельность курса. Какая тут учеба, когда надо порядок в комнатах проверить, валенки в каптерке пере-

считать, график нарядов составить. Остальные слушатели вынуждены были сидеть в классе, маяться от безделья или яростно спорить по любому поводу.

В первый месяц некоторые слушатели пытались конспектировать произведения Маркса и Ленина, но быстро забросили это занятие. Переписывать мудрые мысли из книжки в тетрадку – занятие утомительное, особенно когда все вокруг тебя начинают спорить о службе в армии, о женщинах, о перестройке и Горбачеве.

К Новому году парни освоились в школе, прониклись ее неписаными законами и стали игнорировать самоподготовку. В отведенное время в класс приходили три-четыре человека и занимались своими делами. Остальные отсутствовали. Если приходил проверяющий из учебного отдела и спрашивал: «Где Иванов?» – ему дружно отвечали: «Пошел в библиотеку». Проверяющего офицера такой ответ устраивал, но если бы он захотел пойти на принцип, то столкнулся бы со многими трудностями.

Во-первых, библиотек в школе было две. Обе на первом этаже. Бегать по лестницам вверх-вниз, чтобы уличить отсутствующего слушателя, было излишним рвением, за которое начальство спасибо не скажет. К тому же у любого слушателя всегда было заготовлено несколько объяснений, почему он отсутствовал и в классе, и в библиотеке: «Вышел покурить, захотел в туалет, пошел посмотреть расписание занятий на следующий день, закончилась паста в авторучке, вернулся в общежитие за новой авторучкой» и т. д. и т. п. до бесконечности.

Практически одновременно с самоподготовкой рухнула система увольнительных записок. В начале учебного года курсанты, живущие в общежитии, для выхода в город должны были получить у начальника курса или замполита увольнительную записку. Просто так увольнительную не давали. Для выхода за пределы школы должна была быть веская причина: пошел подстричься, получить посылку на почте, отправить поздравительную телеграмму родственникам. Для поддержания дисциплины курсовые офицеры засиживались в канцелярии до позднего вечера, а иногда оставались ночевать в общежитии.

В конце октября Трушин решил, что жизнь в общежитии вошла в колею, и стал уходить с работы в семь вечера. Замполит последовал его примеру: отправил курс на ужин – и домой! После их ухода наступало по-настоящему свободное время. Желающие вырваться в город переодевались в припрятанную гражданскую одежду, перепрыгивали через забор в укромном месте и шли искать приключения. Оставшиеся в общежитии могли заниматься чем угодно: хоть в карты играть, хоть телевизор смотреть.

В день неожиданного решения англичанки Воронов после обеда выставил всех приятелей из комнаты и до ужина размышлял о жизни. Вечером в общежитии остались он и сосед по комнате Андрей Рогов по прозвищу Рог. До декабря с ними в одной комнате жил Вождь, но он вскоре нашел любовницу с квартирой и перебрался к ней. Как только Вождь перенес свои вещи к возлюбленной, Ворон и Рог разобрали его кровать и сдали на склад. На освободившееся место поставили стол. Вождь был в негодовании от их коварства, но поделать уже ничего не мог. Второй раз со склада кровать ему бы никто не дал.

Воронов и Рог закрылись в комнате, заварили в трехлитровой банке крепкий чай, обменялись мнениями о событиях прошедшего дня.

– Ты толком расскажи, почему англичанка тебя от занятий освободила? – спросил Рогов.

– Она начала какую-то свою игру, – ответил Виктор. – Сегодня, когда мы остались вдвоем, я вдохнул аромат ее духов и почувствовал, как руки сами к ней потянулись. Если бы она вовремя не ушла, не знаю, чем бы дело кончилось.

– В классе она бы с тобой целоваться не стала, а вот потом... Вождь прав, она совсем не старая.

– Вы оба ерунду говорите! Разве непонятно, что она мужа ищет? Ей нужен не мужик на ночь, а супруг. Первая стадия предстоящего брака – это совместная жизнь. Я бы с легкостью

перебрался к ней, если бы сейчас мы были на втором курсе. Но мы-то на первом! Я не представляю, как буду целый год ее учеником.

– Составит отдельный график, и вы будете встречаться только дома.

– А если поссоримся, что тогда? Она меня на экзамене завалит, а ее папаша вывернет дело так, что меня из школы отчислят. Лучше я буду от Ирины Анатольевны держаться подальше.

– Ее отец действительно большой начальник?

– Заместитель председателя крайисполкома, босс боссов! Но это еще не все. Председатель крайисполкома уже несколько месяцев тяжело болен. В его отсутствие всей экономикой края рулит отец Ирины Анатольевны. Есть слухок, что он в скором времени станет или председателем крайисполкома, или перейдет в крайком партии на должность второго секретаря.

– Ничего не понимаю! Англичанка – завидная невеста. Почему же ей до сих пор никто не предложил руку и сердце?

– Сапог с семнадцатой группы на нее виды имеет, но она держит его на расстоянии, как запасной вариант.

– На фиг он ей нужен, солдафон недоделанный!

– Сапог просто не туда поступил. Ему надо было в военное училище пойти, маршировать на плацу, честь офицерам отдавать, громкий командный голос вырабатывать, а он сюда приперся, диплом следователя получать. Классический следователь милиции – это Пал Палыч Знаменский из телефильма «Следствие ведут знатоки». Представь Знаменского в сапогах и в португее. Сапог, кстати, стал на меня с подозрением поглядывать. Того и гляди на серьезный разговор вызовет.

– Помнится, когда я в первый раз попал в школу, то искренне обрадовался, что все ходят в брюках навыпуск и туфлях. Мне сапоги за два года в армии осточертели, а он туфли игнорирует. Один с курса в сапогах щеголяет.

Сапогом приятели называли Алексея Мельникова, бравого двадцатилетнего уса- того парня, по неизвестным причинам избравшего повседневной обувью хромовые офицерские сапоги. Мельников оказывал англичанке недвусмысленные знаки внимания, но она не спешила отвечать взаимностью.

– Рог, давай вспомним, как у нас появилось Дело.

– Ты опять о нем? Объясни, на кой черт оно тебе сдалось?

– Я хочу узнать правду: оговорили потерпевшие морячка или он сидит за совершенное преступление.

– Предположим, что оговорили, и что тогда? Напишешь кассационную жалобу по вновь открывшимся обстоятельствам, добьешься пересмотра приговора? Ты же не адвокат, ты не имеешь права вмешиваться в свершившееся правосудие. И это не все! Если в школе узнают, что ты прямо или косвенно выступил на стороне осужденного преступника, тебя тут же отчислят и никаких оправданий принимать не будут.

– Сегодня Трушин сказал: объясни англичанке, что у тебя в груди жжет от страсти к познанию английского языка. Так вот, у меня не жжет и не свербит, а от жажды узнать истину по Делу я изнемогаю, как Иисус Христос на кресте. Я хочу понять, подставили морячка или нет. А если подставили, то за что? Две недели он кувырчался со студентками, как хотел, а на пятнадцатый день раскрутился на восемь лет за изнасилование. Ты не находишь, что это странно? Его «подружки» не сказали в защиту морячка ни слова. Две недели они были любовниками и вдруг, как по мановению волшебной палочки, стали врагами. Это ли не нонсенс? Они вытрясли с морячка все, что могли, и в знак благодарности посадили его? Мне говорили, что если спросить любого зека, за что он сидит, то получишь ответ: «Ни за что! Подставили, подстроили, ошиблись, чужие преступления на меня повесили». Я хочу на будущее узнать, может ли человек быть осужден за то, чего не совершал. Я пришел в школу, чтобы стать профессионалом, и дело об изнасиловании Дерябиной – это только ступень в поисках истины. На

самого морячка мне наплевать. Он уже почти отбыл срок, а вот узнать, за что он восемь лет за колючей проволокой провел... Это жжет меня, не дает ни спать, ни есть.

– Ох, смотри, сам не раскрутись! Пострадаешь ни за грош.

– Я не собираюсь лезть на рожон! Я не буду никого обвинять и не буду никому помогать. Я хочу узнать истину.

– Без всякого архивного уголовного дела могу сказать, в чем суть: если ты попал в жернова правосудия, то целым уже не выберешься. У нас не Америка, преступников суд не оправдывает.

– Вот именно! Где-то крутятся жернова правосудия, и попасть в них может любой: я, ты, Трушин, Величко. От тюрьмы да от сумы не зарекайся. Жернова крутятся, перемалывают людские судьбы, и держаться от них надо подальше. «Подальше» – это где? Где та грань, за которой тебя засосет в жернова и выплюнет лагерной трухой? Дело об изнасиловании невинной девочки – это путь к познанию истины. Я уверен, что ответы, скрытые в нем, помогут мне в дальнейшей жизни.

– Ну-ну, посмотрим, – усомнился Рог.

– Я, даже если захочу, не смогу остаться сторонним наблюдателем. Гонг пробил! Англичанка начала, теперь – мой ход. Давай оставим бесполезные споры и вспомним, когда Железная леди принесла Дело?

– В самом начале февраля, на второй или третий урок.

4

Майор милиции Вера Гавриловна Загорская была преподавателем кафедры теории государства и права. В группе Воронова она вела «Государственное право СССР и зарубежных социалистических стран». Она была женщиной среднего роста, обычного телосложения. Косметикой Вера Гавриловна не пользовалась, седину не закрашивала, отчего выглядела гораздо старше своего возраста, лет на пятьдесят. На семинарских занятиях у Веры Гавриловны царила жесткая дисциплина. После звонка слушателям категорически запрещалось разговаривать или перешептываться между собой, вставать, оборачиваться, задавать вопросы, доставать конспекты из портфелей. Если слушатель хотел что-то уточнить, то должен был дожидаться специального разрешения. За любое нарушение порядка следовало незамедлительное наказание. Минут за пять до окончания урока Вера Гавриловна поднимала провинившегося и задавала вопрос по пройденной теме. Слушатель, даже подготовившийся к уроку, просто не успевал раскрыть тему и получал «неуд».

– Я вижу, – глядя в глаза нерадивому ученику, говорила Железная леди, – что вы не подготовились к уроку. Советую вам более ответственно подойти к следующему занятию.

К следующему уроку слушатель наизусть выучивал тему, и дальше события могли пойти по двум сценариям. Если Вера Гавриловна видела на лице нарушителя дисциплины искреннее раскаяние, то ставила положительную оценку. Если ей что-то не нравилось, то к первой двойке добавлялась вторая.

Железная леди не переносила запаха табака. Покуривший на перемене слушатель должен был стоять от нее на отдалении, а если подходил близко, то Вера Гавриловна морщилась и ставила в конце урока двойку. За неуважение к ней как женщине Железная леди отвечала такой строгостью, что никто не осмеливался возражать ей. Жаловаться на ее предвзятость в учебный отдел было бесполезно. Во-первых, офицеры учебного отдела всегда были на стороне преподавателей, во-вторых, строптивому безумцу Вера Гавриловна могла устроить показательную порку. Чтобы противостоять ей, надо было выучить все государственное право на уровне кандидата юридических наук, иначе Железная леди могла запутать и выставить спорщика полным идиотом.

Словом, строгость на уроках Железной леди была такая, что, веда она занятия в первом классе начальной школы, детишки бы писались от страха.

Вера Гавриловна знала, что слушатели прозвали ее Железной леди, и втайне гордилась этим – сравнение с легендарной Маргарет Тэтчер льстило ее самолюбию.

На второй или третий урок по государственному праву Железная леди принесла пять архивных уголовных дел, преступники по которым были уже осуждены и отбывали наказание. Архивные уголовные дела были получены в качестве учебного материала в судах города Хабаровска.

– Я предлагаю желающим написать реферат по материалам дела, – сказала Железная леди. – В реферате должны быть проанализированы все права потерпевших, которые были нарушены.

Воронов тут же поднял руку. Учеба давалась Виктору легко. Он не сомневался, что сможет разобраться в правах потерпевших и дать исчерпывающий ответ. Следом за Вороновым поднял руку Андрей Рогов. Он рассчитывал на помощь соседа по комнате и ничем особенно не рисковал. Третьим вызвался написать реферат Юра Сватков. Когда он поднял руку, на лице его явно читалось: «Была не была! Один раз живем, можно рискнуть».

Два следующих уголовных дела получили слушатели, идущие на красный диплом. Они и рады бы остаться в стороне, но ничего не поделать! Пришлось поднимать руки. Отказ от

написания реферата означал неуверенность в своих силах, пробелы в знаниях. Вера Гавриловна такого отношения к своему предмету не прощала.

В конце урока Железная леди сообщила, что на подготовку реферата дает неделю и разрешает на это время забрать уголовные дела с собой.

После занятий Воронов ознакомился с делом, которое ему попало. Оно было возбуждено по части второй статьи 206 УК РСФСР – «Злостное хулиганство». Фабула дела в кратком изложении была такова: некий дебошир терроризировал соседей по подъезду. Напившись пьяным, он выбегал на лестничную клетку, громко ругался матом, стучал в двери соседей, угрожал им побоями. Летом 1980 года жилец со второго этажа открыл дебоширу дверь, потребовал прекратить бесчинства и был избит скалкой. Суд, рассмотрев материалы дела, приговорил хулигана к трем годам лишения свободы.

Пока Воронов изучал дело, Рогов удосужился открыть свое, пролистал неинтересное начало, дошел до середины, затих, а потом воскликнул:

– Ворон, мать его, ты только послушай: «Он посадил меня на колени, и я почувствовала его горячий и упругий член»!

– Чего-чего? – изумился Виктор. – Ты что читаешь?

– Показания свидетельницы Нечаевой Марины.

– Да ну на фиг, такого не может быть! Это же уголовное дело, а не порнографический рассказ.

– На, сам посмотри, – Рогов протянул приятелю папку.

Воронов взглянул на обложку: «Уголовное дело № 5616, по обвинению Долматова Алексея Петровича по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР. Начато: 10 сентября 1979 года. Окончено: 10 декабря 1979 года».

– Читай с середины, – посоветовал Рогов. – Начало и конец изложены сухим казенным языком.

Виктор изучал дело до глубокой ночи. Прочел его от корки до корки и пришел к выводу, что обвиняемого подставили и сидит он ни за что.

На другой день Дело пошло по рукам. Вначале его читали приятели Воронова и Рогова, потом одноклассники, потом Дело пошло гулять по этажу и к концу недели, когда надо было готовить реферат, Рогов с трудом его отыскал.

У Дела по обвинению Долматова была одна особенность. В конце сентября его расследованием занялся следователь прокуратуры Индустриального района Буглеев. По необъяснимым причинам Буглеев показания свидетельниц и потерпевшей изложил так натуралистически, что они превратились из официальных документов в эротическую повесть о сексуальных оргиях в квартире сестер Дерябиных. После чтения этого Дела в группе Воронова периодически вспыхивали споры: законно ли осужден Долматов или он сидит по сфальсифицированному обвинению.

Воронов считал, что Долматов не виновен, его оппоненты придерживались противоположного мнения. Примерно трети одноклассников было безразлично, законно или незаконно осудили морячка. У них в памяти остались только подробнейшим образом расписанные эротические сцены и мысли некоторых девушек. «Дерябина Екатерина сказала, что у нее сегодня болит голова, и предложила мне заняться сексом с ее знакомым. Я подумала, почему бы нет, и стала раздеваться».

В деле был любопытный документ: «Постановление о прекращении уголовного дела в части предъявленного обвинения». Прокурор Индустриального района, проверив дело, своим постановлением прекратил уголовное преследование Долматова по ст. 120 УК РСФСР за совершение им развратных действий в отношении несовершеннолетней Дерябиной Елены.

– Если бы прокурор этого не сделал, то за развратные действия надо было бы привлекать и сестру потерпевшей, и ее подругу Нечаеву, – высказал мнение Воронов. – Они виноваты в развратных действиях не меньше морячка.

– Да ну, – усомнился Вождь, – девки-то тут при чем?

– Если бы Дерябина Екатерина позаботилась о нравственном облике несовершеннолетней сестры, то она бы выгнала ее из спальни, а она промолчала. Смотри, сестренка, учись!

Всю неделю, пока Дело было у Рогова, в группе шли яростные споры о законности приговора. В один из дней англичанка на перемене подошла к классу как раз в тот момент, когда Воронов отстаивал свою правоту. Виктор был уверен: она через открытую дверь слышала окончание его монолога и испугалась, что история восьмилетней давности выплыла наружу.

Наступил день защиты рефератов. Первым вызвался Воронов. Он вышел к доске и бойко зачитал все мыслимые права, которые нарушил дебошир. В своем ответе Воронов проанализировал не только права потерпевшего, но и всех жильцов подъезда, пострадавших от бесчинств хулигана. Железная леди была довольна.

– Воронов, я вижу, вы добросовестно подошли к изучению Дела.

Рука Веры Гавриловны двинулась к классному журналу – поставить Воронову оценку «отлично». Виктор, вместо того чтобы торжествовать, вполголоса сказал:

– Я тщательно изучил Дело, а вот следователь, который его расследовал, подошел к своим обязанностям спустя рукава, халатно.

Железная леди замерла и побледнела. Со стороны могло показаться, что Воронов обвинил в халатном отношении в расследовании Дела лично ее, а не следователя Кировского РОВД. В классе повисла мертвая тишина. Вождь, описывая этот момент, сказал: «Если бы мне на голову ворона села и стала в черепе дырку долбить, я бы не пошевелился». Несколько секунд Железная леди молчала, потом сказала с неприкрытой угрозой в голосе:

– Потрудитесь объяснить ваше дерзкое заявление. Вы еще не начали изучать профильные предметы, а уже даете оценку действиям должностных лиц. Слушаю вас, Воронов!

Воронов был готов ответить за свои слова. Он знал, как Железная леди отреагирует на его выпад в отношении коллег. Воронов спокойно подошел к учительскому столу, взял уголовное дело, нашел нужную закладку.

– Фамилия обвиняемого Пушкарев. В одном подъезде с ним, в 32-й квартире, жил помощник прокурора Центрального района Козловский. Зачитаю его показания: «В мае месяце, число точно не помню, я беседовал с Пушкаревым, и он клятвенно пообещал прекратить хулиганские выходки, вести себя примерно, спиртным не злоупотреблять. Я поверил ему, но, как оказалось, Пушкарев только готовился к решающему штурму. В июне он три дня подряд напивался до невменяемого состояния, стучал во все двери подряд, выражался громкой нецензурной бранью. Из моей соседки, семидесятилетней старушки, он пообещал «выбить пыль». Мне через дверь кричал на весь подъезд: «Выходи, сволочь, я тебе глаз выколю. Будешь, как циклоп, одной фарой светить». Ни на какие замечания Пушкарев не реагировал».

Воронов закрыл уголовное дело.

– Пушкарев прекрасно знал, что Козловский – должностное лицо, сотрудник прокуратуры. Он угрожает прокурору причинением тяжких телесных повреждений, но следователь не дает этому никакой правовой оценки.

Вера Гавриловна с облегчением выдохнула:

– Виктор, вы не правы.

Приятели Воронова вытаращили глаза. Оказывается, Железная леди знала слушателей по именам! В ее устах имя слушателя означало высшую похвалу, которой только может быть удостоен ученик.

– Дебошир угрожает Козловскому не как прокурору, а как жильцу подъезда. В его действиях нет угрозы должностному лицу. Я не возьмусь квалифицировать действия Пушкарева

с точки зрения уголовного права и предлагаю оставить этот вопрос до следующего семинарского занятия.

Следующим защищал реферат Рогов. Железная леди почти не слушала его, перелистывала дело по обвинению Пушкарёва, смотрела, в каких местах Воронов оставил закладки. Сватков при ответе пару раз сбился, но Вера Гавриловна не стала делать ему замечания. Защиту реферата Вороновым Железная леди оценила на «отлично».

Чтобы разрешить спор, на следующий урок она пригласила преподавателя с кафедры уголовного права, бывшего следователя. Он разъяснил, что в действиях Пушкарёва по отношению к прокурору нет состава преступления. В конце своего выступления преподаватель сказал:

– Я бы на месте следователя вынес суждение, подстраховался. Но в этом конкретном деле прокурор последовательно дает показания, что Пушкарёв – обычный хулиган и выходки его не связаны с работой Козловского в прокуратуре.

Получилась патовая ситуация – частично Воронов оказался прав. Чтобы не поставить Веру Гавриловну в затруднительное положение, Виктор посмотрел в свои записи и виновато сказал:

– Действительно, Козловский в собственноручно изложенных показаниях говорит, что слова «прокурор» Пушкарёв ни разу не произнес. Каюсь, не обратил на это внимания. Впредь буду более тщательно изучать показания свидетелей.

С этого дня Воронов стал любимчиком Железной леди. Она прощала ему и запах табака, и мелкие погрешности при ответе. Но, самое главное, Виктор сумел отвести излишнее внимание преподавателя к делу об изнасиловании несовершеннолетней Дерябиной. После доклада Рогова дело по обвинению Долматова было возвращено в архив кафедры теории государства и права. Для составления реферата в другие группы оно не попало.

...Припомнив обстоятельства, при которых в первый раз увидел Дело, Воронов сказал:

– В следующий раз Железная леди достанет его из архива только на будущий год. Я не могу столько ждать. Мне оно нужно сейчас.

– Забудь ты об этом Деле! – посоветовал Рогов.

– Не могу. Пока я не выясню все, не успокоюсь. Лучше посоветуй, как его можно украсть с кафедры? Я знаю, где оно хранится, но не пойму, как попасть в архив.

– Ты серьезно решил украсть Дело? Это англичанка тебя так завела?

– Все вместе.

– Сам ты Дело не украдешь. Ты дверь в архив не откроешь. Но я знаю человека, который может это сделать.

– Кто такой? Наш, со школы?

– Лебедь.

– Да ну к черту! Какой из Лебеда вор, – отмел предложение Виктор. – Он спалится и нас за собой потянет.

– Не спеши! – возразил приятель. – Если он попадется, ему и отвечать. Нас он к краже не притянет. Мы всегда сможем возразить: зачем нам архивное дело, если мы по нему реферат уже написали? Тем более что с Лебедем буду говорить я, а не ты.

– Не потянет он, – упорствовал Воронов.

– Послушай, как было дело. Лебедь угостил меня яблоком. Я удивился, говорю: «Ты разбогател? Еще вчера последний хрен без соли доедал, а сегодня уже яблоками угощаешь?» Лебедь был поддатый, похвалился, что у него есть ключ, которым можно открыть все врезные замки с горизонтальным расположением замочной скважины. Простенькие замочки, не навороченные. На кафедре теории государства и права именно такие замки. В это воскресенье их группа в караул заступает. Если сторгуемся с Лебедем, он достанет тебе Дело.

Воронов подумал и решил:

– Поговори с ним, хуже не будет.

5

Алексей Лебедев во всех отношениях был уникальным парнем. Ему было двадцать шесть лет, чем он занимался до поступления в школу, Лебедев не рассказывал, но по нему чувствовалось, что он сменил множество профессий и нигде не смог реализовать себя. Сразу же после поступления Лебедев стал жаловаться одноклассникам на состояние здоровья. Не обращаясь в санчасть, он диагностировал у себя вегетососудистую дистонию, эрозию желудка и начальную форму астмы. Его стоны так надоели парням, что однажды сосед по комнате не выдержал и со злостью сказал:

– Тебя послушать, ты давно сдохнуть должен, а ты живешь! Объясни, ради бога, как ты военно-врачебную комиссию-то прошел? Я перед поступлением трижды ее проходил, и каждый раз врачи что-то находили: то сердце не так стучит, то левый глаз косит. Если у меня, совершенно здорового мужика, врачи находили изъяны, то тебя они должны были отправить в дом инвалидов, а ты в школу поступил!

Лебедев на какое-то время перестал жаловаться на больное сердце, потом опять взялся за свое.

Но не здоровье Лебедева было главной его изюминкой, а финансовое положение. Отслужив в армии, Лебедев женился, завел двоих детей. Перед поступлением развелся и стал выплачивать алименты. По закону с него должны были высчитывать 33 процента от всех видов заработка, но не менее 20 рублей на ребенка. Лебедев получал стипендию в размере 40 рублей 80 копеек. Итого, за вычетом алиментов, на руки он получал всего 80 копеек. Из этой суммы выплачивал комсомольские взносы – 10 копеек. Оставшиеся 70 копеек составляли его месячный бюджет.

Теоретически на эту сумму можно было прожить. Слушатели, получавшие стипендию, находились на полном государственном обеспечении. Им было положено трехразовое питание, форменное обмундирование и бесплатное проживание в общежитии. С питанием проблем не было. В школе повара готовили однообразно, зато вкусно и питательно. При желании можно было съесть две порции или даже три. За количеством тарелок на раздаче повара не следили.

Форменное обмундирование выдавали в полном объеме, включая трусы, майки и казарменные тапочки. Если ходить только в форме, то об одежде можно было не беспокоиться. Конечно, вечером в общежитии разгуливать вместо трико в форменных брюках было неудобно, но если другой одежды нет, то и так сойдет.

Хуже было с предметами гигиены. Старшина курса выдавал всем желающим «собачье» мыло, изготовленное из смеси хозяйственного мыла и еще бог знает чего. Использовать «собачье» мыло в душе было нельзя: от него оставался неприятный запах. Для стирки вещей оно годилось, а вот для личной гигиены – нет. Опять-таки если наплевать на неприятный запах, то можно и «собачьим» мылом умыться. С гигиеной полости рта было сложнее. Ни зубной пасты, ни зубных щеток государство не выдавало. Самая дешевая зубная паста – «Мятная» – стоила 32 копейки, что составляло почти половину дохода Лебедева. Еще хуже было с бритвенными принадлежностями. Пачка нержавеющих лезвий «Спутник» стоила рубль. В пачке 10 штук, но их надолго не хватало. Они быстро затуплялись и начинали царапать кожу.

Согласно «Правилам внутреннего распорядка» слушатель Дальневосточной высшей школы МВД СССР обязан был иметь опрятный внешний вид: аккуратно подстрижен, гладко выбрит. С нечищеными зубами ходить было можно, а вот со щетиной – нет. За неопрятный внешний вид могли отчислить. Стрижка и бритье опровергали теорию жизни на 70 копеек в пух и прах.

Но и это еще не все! Школа, хоть среднеобразовательная, хоть высшая – это учебное заведение. Без тетрадей для конспектов и авторучки никак не обойтись. Общая тетрадь стоила

44 копейки, более половины месячного бюджета Лебедева. Тетрадей требовалось минимум по одной на каждый предмет. А предметов было... В быту Алексей Лебедев не был аскетом – он курил, не отказывался сброситься на пиво или вино. Пачка самых дешевых сигарет пробивала его бюджет до самого дна, но Лебедев не выглядел опустившимся человеком. Как это ему удавалось?

Лебедев поступил в школу, имея небольшой денежный запас. В начале октября, после окончания сельхозработ, слушатели возвратились на место постоянной дислокации, приступили к занятиям. Лебедев, прекрасно оценивая свои небольшие финансовые возможности, стал искать подработку и быстро нашел. Он начал по вечерам мыть пол на крытом рынке. Руководство курса, зная о его бедственном положении, закрывало глаза на ежевечерние отлучки без увольнительной записки. За мытье полов Лебедев получал 80 рублей в месяц. После возвращения с рынка от Лебедева пахло хлоркой и хозяйственным мылом. Однокурсники терпели этот запах, а вот девушки в трамвае презрительно морщились. Но Лебедеву было наплевать: он задался целью выжить и окончить высшее учебное заведение на халяву, за государственный счет.

Как-то старик сторож, имевший за плечами не одну ходку в зону, сжалился над Лебедевым, отозвал его в сторону и сказал:

– Держи ключ-«универсал», но помни: только чуть-чуть! Здесь яблочко, там горсть орешков, но не более!

Сторож рынка считал Лебедева обычным студентом. Если бы старик знал, где он учится, то даже здороваться с ним бы не стал. Получив универсальный ключ, Лебедев спустился в подвал и открыл двери нескольких кладовых, где торговцы с рынка прятали свои товары на ночь. Предаваться греху алчности он не стал и по совету сторожа ограничился микроскопическим объемом продуктов: парой яблок, тремя грецкими орехами и горстью сухофруктов. С этого дня Лебедев не приходил в общежитие с пустыми руками. С практической точки зрения кражи продуктов несколько не улучшали его материальное положение, но осознание того, что он может угостить друзей яблоком или семечками, тешили его самолюбие, ставили вровень с остальными слушателями.

Воронов также получал стипендию, плюс 40 рублей ежемесячно ему присылали родители. У него и Лебедева был одинаковый месячный доход – 80 рублей с копейками, но Виктор был более свободным в распоряжении средствами. Гражданскую одежду ему купили родители, так что выкраивать деньги на простенькое трико ему было не надо.

27 марта 1987 года в курилке около общежития встретились Воронов, Рогов и Лебедев. Обладатель заветного ключа уже дал согласие совершить кражу, оставалось только оговорить условия оплаты. Лебедев потребовал в обмен на Дело две бутылки водки. Воронов был согласен только на одну. У Лебедева были более сильные позиции: если сделка не состоится, он ничего не теряет, а вот Воронов оставался с пустыми руками. Компромиссное решение предложил Рогов: они дают Лебедеву две бутылки, одну из которых распивают вместе. Лебедев согласился и пообещал принести Дело утром в понедельник.

В тот же день, в пятницу, Рогов и Воронов без лишнего шума получили у одноклассника, распоряжавшегося вещевым складом курса, форменные овчинные тулупы и валенки. В шесть вечера, одетые в тулупы с погонами, перепоясанные португееми, они прибыли к винному магазину на улице Калараша. Им повезло. В этот день магазин торговал не вином или коньяком, а именно водкой. Очередь страждущих приобрести бутылочку на выходные растянулась метров на пятьдесят и все норовила сбиться в кучу. Участковому и патрульному милиционеру с трудом удавалось поддерживать порядок. Воронов и Рогов с ходу подключились к выравниванию очереди. Участковый обрадовался их появлению, стал покрикивать на желающих пробиться без очереди:

– Соблюдаем порядок, граждане! Перед входом в магазин готовим десять рублей. Норма отпуска – одна бутылка в руки!

В восемь вечера магазин с боем закрыли. Как всегда, в последнюю минуту торговли очередь сломалась, и толпа хлынула к дверям. Участковый был начеку. Он успел захлопнуть двери изнутри магазина, а постовой милиционер и слушатели не дали их выбить. Минут через пять, матерясь и проклиная все на свете, толпа разошлась. Постовой постучался условным стуком, участковый открыл. Продавщица продала милиционерам по бутылке водки и стала собираться домой. На улице участковый сказал:

– Сегодня еще ничего, по-божески, а вот что вчера творилось – мама дорогая! Вроде бы четверг, середина недели, а народу – раза в три больше, чем сегодня. Мне пришлось по рации наряд вызывать, иначе бы двери вынесли. Вы, парни, с какого курса?

– С третьего, – непонятно для чего соврал Рогов.

Прощавшись с участковым, Виктор с приятелем вернулись в общежитие. Водка для обмена была куплена. Оплатил ее Воронов.

Дальневосточная высшая школа МВД СССР начиналась с КПП, выходявшего на улицу Волочаевскую. За КПП справа располагалось четырехэтажное общежитие первого курса. За ним, в глубь территории школы, девятиэтажка – общежитие второго и третьего курсов, далее плац с трибуной для руководства и еще одно четырехэтажное кирпичное общежитие. Слева располагались учебный и административный корпуса, соединенные надземным зимним переходом. За административным корпусом были гаражи и два кирпичных здания, построенных в прошлом веке. Между ними была встроена трехэтажная столовая. Левое старинное здание было целиком отдано факультету заочного обучения, в правом располагались преподавательские, кабинеты начальников кафедр, лаборантские. На втором этаже были бухгалтерия и касса. За этими корпусами был спорткомплекс и склады.

В дневное время территорию школы никто не охранял, если не считать наряда на КПП, но милиционеры с КПП дальше своей будки не высывались. В вечернее время и ночью выставлялся караул: склады охранял часовой с автоматом, территорию, прилегающую к гаражам и административному зданию с бухгалтерией – часовой со штык-ножом. Как ни странно, вооруженный часовой не охранял знамя школы. Оно хранилось в дежурной части, и отдельный пост у него не выставлялся.

В воскресенье 17-я группа, в которой учился Лебедев, заступила в караул. Ночью Лебедев сменился с поста, но отдыхать не лег. Охранять административный корпус с бухгалтерией вышел его сосед по комнате.

Глухой ночью, уже под утро, Лебедев пошел на дело. Сосед заверил его, что вокруг все спокойно. Административный корпус на замок не закрывался, так как в нем были кабинеты многих начальников кафедр и они не могли договориться между собой, кто будет утром открывать входные двери. После недолгих споров начальники решили: «У нас же часовой есть, зачем с замками мудрить? Потеряет кто-нибудь ключ, будем под дверями стоять, как бедные родственники. Касса и бухгалтерия под сигнализацией, а в наши кабинеты ни один псих не полезет – там брать нечего».

Лебедев беспрепятственно прошел к преподавательской кафедре теории государства и права, открыл ее универсальным ключом. К преподавательской примыкала лаборантская, отдельного входа в коридор не имевшая. Лебедеву даже не пришлось мудрить с замком в лаборантскую – дверь была не заперта. В лаборантской вдоль стен стояли шкафы с учебными материалами, в одном из них хранились архивные уголовные дела.

Лебедев включил карманный фонарик и стал искать нужное дело по номеру. К счастью, оно оказалось почти наверху, не пришлось перебирать три десятка томов. Сверив фамилию обвиняемого, Лебедев забрал Дело, вышел в коридор, закрыл дверь в преподавательскую. Вместо караульного помещения он прошел в общежитие, спрятал Дело в шкафу и только потом

вернулся к наряду. Операция по похищению архивного уголовного дела прошла без сучка, без задоринки.

Воронов до поздней ночи не находил себе места. Он бесцельно слонялся по общежитию, посмотрел телевизор, установленный в пустой просторной комнате, поболтал с приятелями. После полуночи вернулся к себе, лег на жесткую кровать, но сон не шел. Мысленно Виктор был рядом с Лебедевым, контролировал каждый его шаг. Поворочавшись на досках, Воронов лег на спину и замер, ожидая, когда сон незаметно подкрадется и время до утра пролетит, как один миг.

Рядом ворочался Рогов, кровать под ним поскрипывала, а под Вороновым – нет. В наследство от старшекурсников Виктору достался сколоченный из досок щит, по размерам соответствующий односпальной кровати. Нижними брусками щит устанавливался на металлические планки, между которыми была натянута панцирная сетка, сверху накрывался матрасом. Спать на такой жесткой кровати считалось полезным для здоровья. На ней было удобно сидеть – сетка не провисала до самого пола.

Утро понедельника наступило с крика дневального: «Подъем!»

«Если за ночь ничего не случилось, то наше мероприятие удалось», – решил Воронов.

В столовой во время завтрака он встретился глазами с Лебедевым, и тот кивком головы показал: «Дело сделано!» В приподнятом настроении Виктор пошел на занятия. Лебедев принес Дело только после обеда, в час, когда начиналась самоподготовка. Раскрыв дипломат, он вытащил толстый том:

– Оно?

Воронов спрятал Дело во встроенный одежный шкаф, достал водку:

– Когда разопьем?

Свободное время у Лебедева было только после окончания мытья полов на рынке, то есть поздно вечером. Воронова и Рогова не устраивало распитие спиртного на ночь глядя. Они предлагали выпить после уроков в субботу, но такой вариант не подходил Лебедеву – в выходные дни он тоже работал. Выход из создавшегося положения нашел практичный Лебедев.

– Ворон, одна бутылка – моя, другую мы с тобой должны распить вдвоем. Рог не является стороной в договоре, он приглашенный с твоей стороны гость. По обычаю, я тоже могу пригласить к распитию одного человека. Как ни крути, половина второй бутылки – моя. Давай разделим пузырь пополам, и делу конец!

Так и поступили. Долю Воронова перелили в трехлитровую банку, в которой заваривали чай. Початую бутылку Лебедев заткнул свернутой бумагой и унес с собой в дипломате. После его ухода Воронов достал Дело и перепрятал – сунул его в пространство между щитом на кровати и сеткой. После ужина Воронов с приятелем распили водку, переоделись в гражданскую одежду, перемахнули через забор и пошли в город – Виктору хотелось развеяться, снять стресс.

Лебедев проучился в школе до середины третьего курса. Учился бы и дальше и наверняка получил бы заветный диплом юриста-правоведа, но грянул армяно-азербайджанский конфликт, и все пошло кувырком. В конце декабря 1988 года курс Лебедева перебросили из Хабаровска в Степанакерт для поддержания общественного порядка. В Нагорном Карабахе о подработке не могло быть и речи. Лебедев продержался неделю и пошел к начальнику курса: «Помогите! Без подработки я не проживу и месяца, а командировка неизвестно когда закончится». Трушин вошел в его положение и отправил Лебедева под надуманным предлогом в расположение школы.

В апреле слушатели вернулись в Хабаровск, учебный процесс возобновился, но ненадолго. В конце мая им объявили, что в июне они вновь будут направлены в Карабах. Лебедев бросился к Трушину, но на его место уже был назначен новый начальник курса – Гарилов. Преемник Трушина не стал вникать в финансовые трудности Лебедева и ходатайствовать перед руководством школы об оставлении его в Хабаровске. За три дня до отправки в Карабах

слушателей собрали в актовом зале и объявили: кто не желает ехать в командировку, должен написать заявление, которое будет приобщено к личному делу. Текст заявления был такой: «Я, фамилия, имя, отчество, отказываюсь от выполнения правительственного задания». Лебедев писать заявление не стал. Он решил, что затея с получением диплома за счет государства не удалась, и подал рапорт на увольнение. Больше о нем никто ничего не слышал.

6

Воронов изучал уголовное дело по обвинению Долматова по вечерам, закрывшись в комнате на замок. Вторично прочитав материалы, Виктор почувствовал внутренний подъем, азарт, жажду довести начатое «расследование» до конца. Он понял, осознал, убедился, что избрал профессию по душе. Дело об изнасиловании Дерябиной было вторым уголовным делом, которое Воронов держал в руках, но он так быстро нашел промахи обвинения и нестыковки в показаниях свидетелей, словно уже много лет отдал следственной работе. Чем больше Виктор изучал Дело, тем больше он приходил к выводу, что оно сфальсифицировано.

В уголовном деле было 260 листов, из которых 50 составляли материалы судебного заседания. Расследованием дела занимались три следователя прокуратуры Индустриального района города Хабаровска: Русаков, Буглеев и Марченко. Русаков после проведения первоначальных следственных действий Дело отложил в сторону и больше к нему не прикасался, только подшивал поступившие материалы. В конце сентября 1979 года Дело принял к производству Буглеев. Примерно половина материалов Дела была наработана им. В середине ноября прокурор передал Дело для расследования Марченко. Он в ход следствия ничего существенного не внес, только передопросил свидетелей, составил обвинительное заключение и направил Дело в суд.

Существует два вида систематизации материалов уголовного дела, условно именуемых «хронологический» и «по лицам и эпизодам». Следователь Марченко был сторонником хронологического метода, который состоит в последовательном подшивании к основному материалу вновь поступивших документов, без оглядки на их содержание. Марченко даже конверты, в которых поступили характеристики на потерпевшую и свидетелей, подшил. С Дело, сложенным в хронологическом порядке, сложно работать, так как первый допрос свидетеля может быть в самом начале, а второй, опровергающий предыдущие показания, где-нибудь в середине. Воронов интуитивно понял, что если не систематизировать Дело так, как ему будет удобно работать, то он погрязнет в этих разрозненных показаниях и экспертизах. Движимый внутренним чутьем, он решил расшить Дело и разложить его по-своему.

– Не боги горшки обжигают! – пробормотал Виктор и разрезал капроновую нить, скреплявшую материалы.

С этого момента отступать было некуда, так как Дело формально было «живым» и могло понадобиться для пересмотра приговора Долматову. Восьмилетний срок наказания морячку начинал исчисляться с 10 сентября 1979 года и заканчивался 10 сентября 1987 года, то есть только через семь месяцев с того момента, как Воронов взял в руки ножницы. Если Верховный суд затребует Дело для пересмотра, то выявится техническая ошибка в передаче уголовного дела в качестве учебного пособия в Дальневосточную высшую школу МВД СССР. Дело по запросу суда начнут искать в архиве кафедры теории государства и права и не найдут. Скандала и разбирательств не избежать, но Воронов решил идти до конца. Щелкнув ножницами по нитке, он перешел Рубикон и сжег за собой мосты. Теперь двигаться можно было только вперед, к познанию истины, к опасным жерновам, перемалывающим людские судьбы.

– Ну, вот и все! – повеселев, сказал Виктор и приступил к работе.

Вначале он отложил в отдельную стопку все служебные документы, деловую переписку, планы расследования, письменные указания прокурора и конверты. По мнению Виктора, для познания истины по Делу эти бумаги никакой ценности не представляли. К этой же пачке он приобщил все материалы судебного заседания. Оставшиеся протоколы допросов объединил по лицам, экспертизы и осмотры отложил в отдельную стопку. Чтобы материалы не расползались, их пришлось скрепить канцелярскими скрепками, и уголовное дело приняло именно тот вид, в котором оно обычно находится в процессе следствия.

Интуитивно Воронов понял, что необходимо составить два вспомогательных документа: список лиц, участвовавших в Деле, с указанием их характеристик и календарную решетку, в которой можно было отметить события и лиц, участвовавших в них.

Разложив Дело по-новому и начав заполнять вспомогательные документы, Воронов изменил свое отношение к Буглееву. Он, конечно, очень странно допрашивал свидетелей, но если бы не Буглеев, в Деле вообще невозможно было бы разобраться. Русаков и Марченко далеко не копали. В их изложении преступление началось с изнасилования, а Буглеев подробнейшим образом описал предысторию изнасилования, и картина преступления представала уже в другом свете.

В расширенном виде, с подробно изложенной предысторией, события в августе-сентябре 1979 года разворачивались так.

Тридцатидвухлетний Долматов Алексей Петрович проходил службу в должности третьего механика на сухогрузе «40 лет комсомолу Башкирии». Судно принадлежало Дальневосточному морскому пароходству, порт приписки – Владивосток. В августе 1979 года Долматов вернулся из рейса, который продолжался больше полугода. Во Владивостоке его ждала сожительница, в квартире которой Долматов проживал в последние годы. Общих детей они не имели, совместного имущества не нажили. В квартире у сожительницы Долматов обнаружил мужские вещи, ему не принадлежащие. Уличив сожительницу в неверности, Долматов напился, избил ее и ушел жить к другу в общежитие. Через неделю он пошел в отпуск, получил расчет за выполненный рейс в рублях и чеках Внешэкономбанка, снял все деньги со сберкнижки и отправился к матери, проживающей в городе Хабаровске. В квартире матери Долматов был прописан с детства, во Владивостоке прописки не имел. К матери Долматов приехал 24 августа. Два дня провел в ее обществе и решил расслабиться, сходить в ресторан и, если повезет, познакомиться с хорошенькой женщиной. 26 августа, в воскресенье, в ресторане он познакомился с двумя студентками: Дерябиной Екатериной и Нечаевой Мариной. После закрытия ресторана они поехали к Дерябиной, в квартире которой, кроме нее, проживала младшая сестра Елена. Всю ночь Долматов и девушки занимались сексом в спальне старшей сестры. Спать легли только под утро и встали с кровати уже после обеда. Долматов остался у Екатерины Дерябиной еще на день. Рестораны в этот день, в понедельник, были закрыты. За хорошим спиртным Долматов предложил сходить в валютный магазин «Березка». В магазине он за чеки купил девушкам по комплекту импортного нижнего белья, себе взял бутылку виски «Джонни Уокер». В квартире Дерябиной они продолжили веселье. В чем оно состояло, подробно, но соблюдая определенные рамки приличия, изложил следователь Буглеев. Две недели Долматов жил у Дерябиных. Иногда он приезжал к матери – сообщить, что у него все в порядке, и пополнить денежный запас. Почти каждый вечер Долматов с девушками ужинал в ресторане. Нужды в средствах он не испытывал – только за рейс пароходство выплатило ему 2460 рублей зарплаты и премиальных. Состав девушек в их компании менялся. Постоянной участницей была только Дерябина Екатерина. Нечаева Марина выбыла по «физиологическим причинам» 31 августа. Следователь Буглеев не стал вдаваться, что собой представляли эти «причины», но было и так понятно. Место Нечаевой в ресторанах и спальне заняла Титова Виктория. Трижды к ним присоединялась Жигулина Валентина, также студентка. Никакого упоминания о девушке по имени Ирина Воронов не нашел, что исключало участие англичанки в разнузданных оргиях в квартире Дерябиных.

С 1 сентября распорядок в компании Долматова слегка изменился. Утром Екатерина уезжала на учебу, возвращалась с подружкой или подругами, вечером всем коллективом они шли в ресторан. За эти две недели Долматов осыпал девушек подарками из магазина «Березка». Екатерине пылкий морячок купил джинсы, двухкассетный стереомагнитофон «Панасоник», зимние сапоги «Саламандра». У остальных девушек подарки были скромнее. Нечаевой достался только индийский мохеровый шарф и чешские босоножки. Щедрый моряк не забыл

даже сестру хозяйки – Елену. Ей он купил японский магнитофон «Касуга». Сколько всего Долматов потратил денег и чеков, по материалам Дела было не сосчитать, но чувствовалось, что жил он на широкую ногу, на ресторанах и подарках не экономил.

Все две недели, пока Долматов жил у Дерябиной, с ним в одной квартире находилась пятнадцатилетняя сестра хозяйки Елена. Чем она занималась до 1 сентября, не смог выяснить даже дотошный Буглеев. Елена начинала фигурировать в допросах только после начала учебного года. Буглеев раскопал, что она дважды наблюдала через дверной проем за оргиями в спальне сестры, и квалифицировал это как развратные действия со стороны Долматова. Прокурор уголовное преследование морячка по данным эпизодам прекратил, указав, что Долматов мог не видеть, как несовершеннолетняя Дерябина наблюдает за его действиями. Елена училась в школе во вторую смену. Старшая сестра утром уходила в институт, так что она до обеда была в квартире вдвоем с Долматовым. Что между ними происходило в это время, никто из следователей не выяснял.

Ночь с 9 на 10 сентября Дерябина Екатерина и Долматов провели вдвоем. Участвовавшая в вечерней оргии Марина Нечаева ушла домой. Утром Екатерина ушла в институт, Елена спала в своей комнате. Примерно в 9.00 она проснулась, пришла на кухню, где в одиночестве распивал спиртное Долматов. Он предложил Елене присоединиться, девушка не отказалась, хотя ей надо было идти на уроки после обеда. Далее, исходя из материалов дела, Елена опьянела. Долматов на руках перенес ее в спальню сестры, где совершил с беспомощной девушкой половой акт, и лег спать. Придя в себя, Елена позвонила Нечаевой домой и рассказала, что произошло. Нечаева по телефону сообщила об изнасиловании в милицию и помчалась к Дерябиным. Она успела прибыть до приезда милиции. Елена еще раз рассказала Нечаевой об изнасиловании, показала порванные Долматовым трусики. Свое состояние в момент изнасилования Елена описала так: «Я все понимала, что Долматов со мной делает, но сопротивляться не могла, была в алкогольном опьянении». Приехавший наряд милиции убедился, что вызов не является ложным. Старший наряда по рации вызвал следственно-оперативную группу Индустриального РОВД. Долматова, находившегося в легкой степени опьянения, доставили в райотдел. В 15.00 следователь прокуратуры Русаков официально задержал его в качестве обвиняемого.

Следователи Русаков и Марченко все допросы начинали с утра понедельника. Если бы не Буглеев, то по делу было бы не понять, что вообще делал Долматов в квартире Дерябиных, как он там оказался. Если ориентироваться на допросы, проведенные Русаковым, могло сложиться впечатление, что Долматов – или сожитель, или давний любовник старшей сестры. По указанию заместителя прокурора Русаков допросил Елену по факту совершения в отношении ее развратных действий. Протокол допроса потерпевшей был написан сухим казенным языком, без каких-либо подробностей: «Подошла к двери в спальню сестры и увидела, как она и Долматов совершают половой акт». Все. Пришла, увидела, ушла. Буглеев подошел к допросу Елены творчески. В его изложении события выглядели так: «Услышав сладострастные стоны сестры, я пошла к ее спальне посмотреть, что там происходит. В свете ночника я увидела следующую картину: Долматов лежал на кровати, на спине, Катя сидела на нем верхом и совершала движения, словно едет на коне. Нечаева сидела у окна в кресле и курила. Она была полностью обнажена. На сестре и Долматове одежды также не было. На мое появление они не обратили внимания. Я стояла в дверях до тех пор, пока сестра, обессилев, не упала на Долматова».

Из этого протокола все было понятно, кроме ключевого момента: видели ли старшая сестра и Долматов появление несовершеннолетней девочки в дверях спальни.

«Вряд ли школьница описала стоны сестры как «сладострастные», – подумал Воронов. – Это Буглеев решил «раскрасить» допрос, придать ему художественный оттенок. Куда только прокурор смотрел!»

Допрос Елены по второму эпизоду развратных действий был описан еще красочнее и подробнее. Зачитать текст этого документа в судебном заседании не рискнул бы ни один

гособвинитель. Буглеев настолько натуралистично описал, что видела школьница в спальне сестры, что повторить это было просто неприлично.

Буглеев был человеком, склонным к художественному описанию самых обычных событий. Творческая натура так и перла из него. Даже подпись у Буглеева была необычной. Она состояла из прописной округлой буквы «Б» с длиной верхней горизонтальной чертой. За «Б» следовали остальные буквы фамилии, написанные каллиграфическим почерком. Заканчивалась подпись немного сплюсненной, перевернутой горизонтально цифрой «8». Сверху ее была скобка, снизу – еще одна скобка. Внутри скобок – две точки и маленькая горизонтальная черточка. Если всмотреться в эту композицию, то получался человечек в шляпе. Этот человечек словно вопрошал: «Ну как, выкусили? Я еще не такое могу».

«Я бы выгнал его из прокуратуры за одну только подпись, – подумал Воронов. – Этот Буглеев издевается над всеми. Он в официальных документах смешные рожицы рисует, словно расшалившийся школьник. Интересно, есть какие-нибудь требования к подписи должностного лица?»

Первым вспомогательным документом, составленным Вороновым, был список лиц, участвовавших в деле, и их характеристики. Начинался он, разумеется, с Дерябиной Екатерины. Именно она была инициатором знакомства с Долматовым и две недели не отходила от него по ночам и вечерам.

Дерябина Екатерина Алексеевна, 1958 года рождения. В июне 1979 года ей исполнился 21 год. Студентка юридического факультета Хабаровского института народного хозяйства (ХИНХ). Не замужем.

Нечаева Марина, 1959 года рождения, студентка Хабаровского мединститута. Лучшая подруга Дерябиной Екатерины, в средней школе училась с ней в одном классе. Не замужем.

Титова Виктория, 1957 года рождения, студентка юридического факультета ХИНХ. В сентябре 1979 года ей было 22 года. Разведена, детей нет.

Жигулина Валентина, 1959 года рождения. Знакома с Дерябиной Екатериной с детства. Студентка Хабаровского института культуры. Не замужем.

Дерябина Елена, 1964 года рождения, ученица восьмого класса средней школы. Прописана в квартире родителей в центре города.

По месту учебы все девушки характеризовались исключительно с положительной стороны. Характеристики из институтов были написаны словно под копирку: «Учится на хорошо и отлично, занятия без уважительной причины не пропускает. Активно участвует в общественной жизни факультета, вежлива, всегда готова прийти на помощь». В характеристике Жигулиной, кроме перечисленных добродетелей, было отмечено, что она имеет спортивный разряд по художественной гимнастике. Младшая Дерябина от сестры не отставала – комсомолка, хорошистка, общественница.

Составив список лиц, Воронов выяснил, что все девушки жили на одной улице в центре города, учились в одной школе. Дерябина Екатерина переехала в отдельную квартиру в Индустриальном районе только в 1978 году. Квартира была кооперативной. Судя по дате переезда, родители подарили дочери трехкомнатную квартиру на двадцатилетие. О щедрых родителях Воронов нашел только одно упоминание в допросе младшей Дерябиной.

«Мама и папа уехали в загранкомандировку в июне 1979 года. Вернутся в Хабаровск только в декабре. Чтобы во время их отсутствия не оставаться одной, я переехала жить к сестре. Квартира родителей подключена к охранной сигнализации, так что за ее сохранность я не беспокоилась. Раз в неделю, возвращаясь из школы, я заходила домой, поливала цветы, проверяла краны. В остальное время квартира стояла пустой. Временно проживая у сестры, я продолжала учиться в школе в центре города. Проезд от квартиры сестры до школы занимает примерно тридцать минут на трамвае или сорок минут на автобусе».

– Черт возьми! – воскликнул вслух Воронов. – Буглеев, ты куда смотрел? Расписывать, что Нечаева почувствовала, сев морячку на колени, ты горазд, а как поинтересоваться местом работы родителей сестер Дерябиных – так нет! Где работал их отец? Явно же в заграничную командировку направили его, а не мать. В какую страну он поехал, где трудился до командировки, какую должность занимал? Где он такие деньжищи заколачивал, что старшей дочери трехкомнатную квартиру в панельном доме купил? И еще! Перед началом учебного года Дерябина Екатерина идет с подругой в ресторан. На стипендию в кабаке шибко не разгуляешься. Явно родители оставили сестрам заначку, чтобы и на проживание хватило, и в развлечениях себе не отказывали.

Воронов отложил Дело, подумал, ухмыльнулся:

«Мой отец получил от предприятия двухкомнатную квартиру, когда ему было 32 года. До этого мы вчетвером жили в однокомнатной квартире. В трешку родители переехали два года назад, когда я был в армии. Отцу в тот год исполнилось 44 года. Он к трехкомнатной квартире шел всю жизнь, а Катеньке папа такую же хату подарил на день рождения, в 20 лет! В лепешку расшибусь, но узнаю, кто ее отец».

7

Через неделю после кражи Дела Рогов поинтересовался у Воронова, как идет «расследование». Слово «расследование» он произнес слегка насмешливо, как бы подчеркивая, что изучение архивного дела – это занятие никчемное, пустая трата времени.

Воронов иронии не понял и серьезно сказал:

– Расследование – это движение назад, в прошлое. То, чем я занимаюсь, это и есть самое настоящее следствие, моя будущая работа.

– Как успехи? – повторил Рогов, но уже без усмешки.

– Хочу поделиться некоторыми выводами. Помнишь, сколько споров было вокруг этого Дела?

– Если ты сейчас заведешь о нем речь, то не меньше будет. С твоей точкой зрения согласны только Петруха и Вождь. Остальные считают, что морячок ее изнасиловал.

– Они читали Дело, но за деревьями не видели леса! – воскликнул Воронов. – Что парням было интересно в нем? Натуралистическое описание оргий и их прелюдий. Доказательства наши одноклассники оценивали наскоком. Есть экспертизы, подтверждающие слова потерпевшей? Есть. Значит, Долматов виноват и осужден законно. Чтобы понять, что это не так, надо прибегнуть к простой логике, и тогда в глухом заборе доказательств появится первая щель.

– Ты хочешь опровергнуть результаты экспертиз? – удивился Рогов.

– Давай оставим экспертизы на закуску и поговорим о мотивах преступления. Вначале я расскажу мой любимый анекдот. В нем – суть жизни, квинтэссенция правды. Приходит мужик на прием к врачу и говорит: «Доктор, мне 40 лет, и я могу с женой всего один раз в неделю. Моему соседу 50, и он говорит, что может каждый день». Врач улыбается и отвечает: «Батенька, а кто же мешает вам тоже так говорить?» Этих разговоров я наслушался вот так! – Виктор ребром ладони провел по горлу, наглядно показывая, насколько он сыт выдумками и хвастовством. – В армии все разговоры о бабах, – продолжил он. – О, нет, есть еще одна тема – пожрать. На первом году службы вспоминают, кто что ел и пил на гражданке, на втором – все разговоры о женщинах. Чем ближе дембель, тем круче воспоминания. Во сколько в армию призывают? В 18–19 лет. Кто-то из призывников выглядит как молодой мужчина, а остальные – пацаны! Спрашивается, когда бы они успели пережить такие захватывающие сексуальные приключения? «Три раза за ночь? Легко! С двумя чувихами? Было дело». Да ничего не было! Если кто-то до армии и успел набраться сексуального опыта, таких – единицы, а остальные и близко к этому не подошли. Они на первом году молчат, слушают болтовню дембелей, а потом сами их небыхицы повторяют, но уже от своего имени. Здесь, у нас в школе, то же самое! Кого ни послушай, всяк половой гигант. Казанова позавидует! Спрашивается, почему же такие ловеласы по вечерам в общаге сидят, а не в женском обществе развлекаются? Силы копят?

Рогов согласно кивнул:

– Наши парни, как подопьют, о таких приключениях расскажут, что только успевай с ушей лапшу стряхивать.

– Как-то Касим говорит, что у него женщин было больше, чем спичек в спичечном коробке, – продолжил Воронов. – Касиму двадцать восемь лет, после армии он остался на Дальнем Востоке, но по-русски до сих пор говорит неуверенно, обдумывая каждое слово. Денег у него – кот наплакал. Где он, узбек, столько женщин нашел? Если бы он был членом узбекской «хлопковой» мафии, я бы еще ему поверил. За бриллиантовое колечко он бы нашел женщину на ночь, а с пустыми карманами – нет. Конкуренция большая.

– Ты отвлекся.

– Ничего подобного! Это вы, когда читали Дело, не видели, что в нем написано между строк. Буглеев, кстати, тоже не увидел. А написано в нем вот что: Долматов каждый божий день

трудился, как стахановец. В первую ночь он показал девочкам класс, трижды смог. Вечером – продолжение, но уже более скромное. А потом пошло, поехало! Ночью – секс, утром – снова секс. То с одной, то с другой, то с двумя сразу. Не слишком ли много для обычного мужика?

– Не забудь, он в плавании был, полгода женщин не видел, – напомнил Рогов.

– Ну и что, что у него было длительное воздержание? Мужскую силу впрок не накопишь. Это так же невозможно, как выспаться впрок. Какой бы заряд в нем первоначально ни был, он его должен был израсходовать на первой неделе ударного труда. Тут он был неутомим, а потом стал сдавать. Он бы выдохся пахать в таком темпе еще неделю, но старшая сестра пошла в институт, и у Долматова наступила утренняя передышка. Но все равно, без допинга он бы сдох. По уму, к концу второй недели он должен был прятаться от девок, но допинг – спиртное – поддерживал его силы. Долматов каждый день был навеселе.

– Что он делал, когда старшая сестра уходила в институт?

– Вопрос интересный, и я нашел на него ответ, похожий на правду. После задержания Долматова объяснение с него получает оперативный работник. Долматов, еще слегка пьяный, говорит, что он не в первый раз вступает в половую связь с Дерябиной Еленой, и насиловать ее не было никакого смысла. Если бы следователь Русаков не был формалистом, он бы выбросил это объяснение, и делу конец! Заметь, Русаков в первый день не допрашивает Долматова, так как тот находится в нетрезвом состоянии. Он отправляет его в ИВС и первые показания получает только утром 11 сентября. Долматов на втором допросе все отрицает. Потом, после проведения экспертиз, он соглашается: да, половой акт был, но по обоюдному согласию. Чудак человек! Его же никто не обвиняет в том, что он изнасиловал Дерябину, применив к ней насилие. Он овладел ею пьяной, для оконченного состава преступления больше ничего не надо.

– Как Буглеев просмотрел этот допрос?

– При передаче Дела Русаков сшил его, а Буглеев не поинтересовался, что там до него наработали, не полистал самое начало. Там действительно полно ненужных бумаг, каких-то левых объяснений, запросов. Буглеев решил все выяснить сам и просмотрел первое объяснение. Иначе бы он раскрутил эту тему или, наоборот, выбросил объяснение, чтобы оно общую картину не портило. После Буглеева дело расследовал Марченко. Тому вообще все было по фигу. Он конверты в дело подшивал! Бюрократ недоделанный.

– Ты думаешь, в первый раз Долматов сказал правду?

– Скорее всего, да. Но, может быть, опрашивавший его опер пошел на хитрость и сказал примерно так: «Если ты загрузишься на статью 119 УК РСФСР, то получишь год от силы. За изнасилование несовершеннолетней тебе влупят не меньше восьмерки». Долматов в законах не силен, поэтому и дал нужные показания.

– Что за 119-я статья? – удивился Рогов. – Ты-то откуда про нее знаешь?

– Страшилка моего детства, вернее, юности. Статья 119 УК РСФСР называется «Половое сношение с лицом, не достигнувшим половой зрелости». Узнал я о ней еще до армии. Был у нас во дворе один парень. Он пришел из армии и стал встречаться с восьмиклассницей. Она у него дома ночевать оставалась, и все такое. Как-то на праздник угораздило его подрасть с ее папашей. Отец девчонки решил отомстить и написал заявление в милицию. Началось следствие. Выяснили, что «любовь» у них была по обоюдному согласию, никакого изнасилования не было и в помине. Но экспертиза показала, что потерпевшая не достигла половой зрелости, то есть еще не способна зачать и выносить здорового ребенка. Парня посадили на год. На суде потерпевшая ревела, просила отпустить его, но поезд ушел! Возлюбленный отправился в зону. Об этом Деле у нас во дворах все знали, и пошла гулять страшилка: «Смотри, переспешь с чужихой, а она еще половой зрелости не достигла, и сядешь ни за что». Веришь, дошло до того, что всех девчонок во дворе рассмотрели и «отсортировали»: «С этой вроде можно, а вот от той лучше держаться подальше – у нее грудь маленькая». Но я увлекся и позабыл о нашем друге морячке! Вернемся к Долматову.

Воронов набрал воды в банку, вставил кипяtilьник.

– Пока я сидел с этим Делом, – продолжил он, – я почувствовал атмосферу, которая царила в квартире Дерябиных. Буглеев в этом Деле – талант. Чувства, краски, натурализм – это его стихия. Вчитываясь в Дело, начинаешь понимать, как они все к концу второй недели надоели друг другу. Их отношения – это разновидность курортного романа, временное приключение. Ни одна из девушек связывать свою судьбу с Долматовым не собиралась. С одной стороны, он нормальный жених – механик на сухогрузе дальнего плавания, но познакомились-то они с ним при весьма специфических обстоятельствах. Да и Долматов ни с кем из них отношения поддерживать не собирался. Они для него – шлюхи, развратные девки. Вначале им всем было весело и интересно. Долматов, наверное, чувствовал себя, как в раю. Кому скажи, две недели сексуальных оргий – не поверят. В первые дни они перепробовали все, что могли. Потом начала накапливаться усталость, моральная и физическая. Екатерина Дерябина выгнала бы его еще в начале сентября, но деньги, подарки, рестораны! Она, скорее всего, решила вытрясти моряка до конца и только потом указать ему на дверь.

Виктор вытащил кипяtilьник, насыпал в банку заварку, накрыл ее казенным вафельным полотенцем, укутал по краям.

– Теперь я вернусь к тому, с чего начал. «Родине – наш ударный труд и мастерство!» Долматов пашет, как проклятый, но уже на пределе сил. Если бы не допинг, не ежедневные возлияния, он бы там концы отдал, скончался от перенапряжения. Все, о чем он только мог мечтать, сбылось. Ничего нового он больше не увидит. Если Екатерина приведет ему еще одну подружку, то это будет количество, а не качество. К концу второй недели происходит небольшая ссора между ним и Катериной. Инициатор ссоры – он. Дерябина-старшая быстро улаживает дело миром, идет ему на уступки. Она еще не полностью вытрясла морячка и хочет добиться от него новых подарков. Нечаевой эти оргии тоже уже надоели. Она, судя по материалам Дела, всегда безропотно подчинялась Катерине, а тут вдруг взбрыкнула и ушла ночевать домой. Почувствовал, какая атмосфера у них была? Долматов ищет удобный случай, чтобы помахать девочкам ручкой, они бы и сами не прочь с ним расстаться, да жаба душит, душа подарков требует. И вот он, мужик, потрепанный физически, истощенный морально, пресытившийся сексом и девками, зачем-то насилует несовершеннолетнюю Елену. Скажи, на кой черт она ему была нужна? Пополнить счет любовных побед? Кому он о них расскажет? Матросам в плавании? Так никто же не поверит, что это было на самом деле. Я думаю, что никакого изнасилования не было. Девчонки подставили его. Кому из них это было выгодно? В первую очередь старшей сестре. Она – выгодоприобретатель.

– Кто-кто? – изумился Рогов. – Ты где таких слов нахватался?

– Железная леди попросила книгу на кафедру гражданского права отнести. Они о чем-то спорили, я услышал незнакомое слово и запомнил.

– Думаешь, Катерина решила посадить его, чтобы морячок подарки назад не потребовал? Если бы это было так, то она бы себя подставила, а не Елену. Какой ей смысл младшую сестру позорить? Маховик закрутится, об изнасиловании узнают в школе, пойдут слухи да сплетни. До конца учебы не отмоешься.

– Ее же насилуют, чего стесняться? – не понял Воронов. – Она жертва. Любая могла на ее месте оказаться.

– Кто будет разбираться, сама она в кровать легла или морячок ее заставил? Пойдет слушок, все будут пальцем в спину тыкать. Сколько женщин заявление об изнасиловании не пишут, просто потому, что не хотят позориться! А тут из-за каких-то тряпок и магнитофонов школьница сама себя грязью обольет? Не поверю.

– Сестра могла заставить ее написать заявление. Мало ли какие между ними отношения!

– Ты забыл о родителях. Они вернутся, узнают об изнасиловании и обрушат свой гнев на старшую сестру, будут кричать: «Это ты в квартире бордель развела!» Катерина, как я пони-

маю, на папины деньги жила. Он за такую «заботу» о младшей дочери тут же ей кислород перекрыл бы.

– Все равно они его подставили! – убежденно сказал Воронов. – Не знаю зачем, но на зону его уpekли они.

– Может, хотели припугнуть, денег с него поиметь? Не заплатишь отступные – напишем заявление, раскошелишься – забудем.

– Тогда зачем милицию вызывали? С того момента, как в квартире появились менты, морячок был обречен. И еще! Старшая сестра узнает об изнасиловании и заявлении только после обеда, когда вернулась с учебы. К тому моменту Долматова уже увезли в райотдел.

– Мутная история! Плюнул бы ты на нее и забыл!

– Не могу. До конца жизни буду себя корить, если правды не узнаю.

– В каком направлении дальше думаешь двигаться? На одних бумагах далеко не уедешь.

– Буглеев. Следующую стадию расследования надо начинать с него.

– Ты хочешь с ним познакомиться? Он пошлет тебя куда подальше и донос в школу настроит, что ты не в свои дела лезешь.

– Перед тем как с ним встретиться, надо понять, что он за человек. Почему ему разрешилось писать протоколы допроса с таким натурализмом, что они больше на порнографические рассказы похожи, чем на официальные документы? Среди преподавателей нашей школы много бывших следователей. Кто-то мог с ним сталкиваться по работе.

Воронов и Рогов посмотрели друг на друга и одновременно воскликнули:

– Усталый Сокол!

– Точно, если у кого спрашивать, то только у него, – развил мысль Воронов. – Усталый Сокол – мужик надежный. Если помогать не станет, то хотя бы никому о странной просьбе не расскажет.

8

Дальневосточная высшая школа МВД СССР имела свою специфику – в ней был большой процент слушателей из автономных республик Сибири и Дальнего Востока: бурят, якутов, тувинцев, алтайцев, жителей Кавказа и Закавказья. Все кандидаты на поступление в школу направлялись от территориальных УВД Сибири, Урала и Дальнего Востока. Получить направление на сдачу экзаменов, проживая в европейской части России или в Средней Азии, было невозможно.

В группе, где учился Воронов, было 30 человек. Из них русских – 23, трое бурят, один узбек, один армянин, тувинец и азербайджанец. Из русских четверых парней звали Андрей, еще четверо были Сергееми, пятеро – Александрами, трое – Юриями, родившимися в 1961–1962 годах, когда имя Юрий было чрезвычайно популярно.

Как общаться между собой, если четверо одногруппников откликнутся на имя Андрей? По фамилии звать не принято, по званию – никому бы на ум не пришло. В школе даже к преподавателям никогда по званию не обращались, исключительно по имени-отчеству. Выход нашлся просто – почти все в группе получили клички или прозвища. Часто клички появлялись по воле случая.

После сдачи вступительных экзаменов отправили Владимира Остробородова с двумя бурятами на хозработы. Рост Владимира – 189 сантиметров, буряты ему едва до плеча достают. Кто-то посмотрел, как они смотрятся со стороны, и воскликнул: «Вова, так ты вождь бурятского народа!» С этого дня прозвище Вождь намертво прилипло к Владимиру.

У парня по имени Вячеслав был золотой зуб. Его окрестили Клыкком. Некоторые клички – Ворон, Рог – происходили от фамилий. Единственного тувинца на курсе звали Андрей Биче-Оол. С Андреем в группе был перебор, и тувинца стали звать Бич.

Парни с редкими или нерусскими именами прозвище обычно не имели, но звали их, как бог на душу положит. Азербайджанец Юсиф откликался на имена Йозеф, Юсип и даже Иосиф. Петра звали Петрухой, а Леонида Зайцева – Генсек. Он был парторгом группы, тридцатилетним невысокого роста мужчиной, почти лысым, как Ленин или Горбачев.

Юра Величко клички не имел. Его просто не знали, как назвать. Дубинноголовый или Простоволосый – обидно. Унизительных кличек в школе не давали, вот и остался он просто Юрой Величко.

У преподавателей клички или прозвища были редкостью. Железная леди и Майор Вихрь получили прозвища за особенности характера. Майор с кафедры спецтактики Быстров был энергичным, подвижным мужчиной. Он ни минуты не сидел на одном месте, вечно куда-то спешил, суетился, вот и получил прозвище Майор Вихрь. Преподаватель кафедры истории государства и права Иванов стал Царем Хамураппи, так как постоянно на лекциях вспоминал этого вавилонского царя, словно знал его лично.

Усталый Сокол получил прозвище за сосредоточенный, строгий вид, сдвинутые к переносице брови и орлиный вытянутый нос. В профиль он был похож на римского патриция времен расцвета Империи. Усталый Сокол, он же подполковник милиции Сапунов Алексей Ермолаевич, был преподавателем кафедры административного права. До школы работал следователем милиции. У него была интересная манера преподавания. Если в группе начинался спор, то Усталый Сокол не вмешивался, терпеливо ждал, пока спорщики наговорятся, а потом высказывал свое мнение. Самым известным спором, в котором принял участие Усталый Сокол, был диспут о женитьбе Лаврова. Тот решил сочетаться браком с 19-летней девушкой, красивой, но из неблагополучной семьи. Будущая теща работала в буфете на железнодорожном вокзале, избранника дочери презирала, любила выпить, имела молодого любовника. Стоило мужу-прапорщику убыть на службу, как теща или убегала к любовнику, или приводила его домой.

Одногруппники отговаривали Лаврова от женитьбы: «Квартиру вы не снимете, придется жить с тещей. Она до конца учебы из тебя психопата сделает, и ты убежишь из этой семейки куда глаза глядят». Но Лавров был настроен жениться.

Усталый Сокол два семинарских занятия подряд выслушивал спор и наконец высказал свое мнение:

– Смени пластинку, – сказал он. – Музыка приятнее будет.

Лавров запротестовал, и Алексей Ермолаевич вынужден был обосновать свою точку зрения:

– То, что происходит сейчас между тобой и девушкой, вовсе не любовь, а радость ежедневной плотской любви. Пройдет пять-шесть лет, вы погрязнете в быту, ваши отношения больше не будут каждодневным праздником. Неизбежно наступят трудные времена, и тогда молодая жена станет действовать по лекалам матери. Сколько твоей предполагаемой теще лет? 36?! Прости господи, где ты такую нашел? Впрочем, неважно. Помяни мое слово, к 36 годам твоя жена будет копией тещи, с небольшими личными отклонениями. Если сейчас она осуждает мать, то с годами начнет понимать ее поведение и станет действовать точно так же.

Лавров не послушал мудрого совета, женился, через год со скандалом развелся, стал глущить душевную боль алкоголем, попался пьяным начальнику школы и был с позором отчислен.

Алексей Ермолаевич на семинарских занятиях не только вмешивался в споры. При обсуждении учебного материала он приводил многочисленные примеры из своей следственной практики. К административному праву его рассказы отношения не имели, но стоило ему заговорить, как в классе устанавливалась тишина. Будущие следователи мотали на ус, как надо поступать в той или иной ситуации.

Перед тем как обратиться к Усталому Соколу, Воронов обобщил результаты проведенных по делу Долматова экспертиз.

Первое. 10 сентября 1979 года из квартиры Дерябиных были изъяты: с кухни – два бокала, пустая бутылка из-под водки «Столичная»; из спальни старшей сестры – порванные женские трусики. Проведенной дактилоскопической экспертизой было установлено, что на одном бокале отпечатки пальцев рук Долматова, на другом – Дерябиной Елены. На бутылке водки отпечатков пальцев не обнаружили, что было довольно странно, но на это никто внимания не обратил. Остатки жидкости в бокалах оказались водкой, идентичной по составу водке в бутылке. На женских трусиках выделений не обнаружили. По размеру они совпадали с нижним бельем, которое носила Дерябина Елена.

Второе. У Долматова после задержания была взята проба крови, в которой обнаружился алкоголь в количестве 0,4 промилле, что соответствует легкой степени опьянения. В крови Дерябиной Елены алкоголь был обнаружен в количестве 1,3 промилле, что применительно к несовершеннолетней девочке хрупкого телосложения квалифицировалось врачом как средняя степень опьянения. С алкоголем в крови вроде бы все было понятно: на мужчину он оказал минимальное воздействие, девушку лишил способности сопротивляться. Воронову показалось странным, что сразу же после изнасилования Дерябина вела себя осторожно и адекватно, а при осмотре в судебно-медицинской экспертизе вновь оказалась пьяной.

Третье. Осмотром в СМЭ было установлено, что в момент изнасилования Дерябина Елена не была девственницей, половой жизнью начала жить как минимум за две недели до 10 сентября. На вопросы о начале половой жизни девушка отвечать отказалась, сославшись на плохое самочувствие и алкогольное опьянение. Повторный осмотр потерпевшей не проводился. С какого возраста Дерябина Елена начала жить половой жизнью, не смог выяснить даже Буглеев: несовершеннолетняя потерпевшая, к удивлению следователя, заявила, что этот вопрос к ее изнасилованию отношения не имеет, и отвечать на него она не будет.

Четвертое. Ключевой экспертизой в деле об изнасиловании Дерябиной Елены была судебно-биологическая. Заключение ее комментариев не требовало: в мазках из влагалища

потерпевшей были обнаружены биологические следы, принадлежавшие Долматову. Ознакомившись с заключением экспертизы, Долматов вынужден был признаться: «Половой акт был, но по обоюдному согласию». Заключения судебно-биологической и судебно-наркологической экспертиз были положены в основу приговора. Они однозначно утверждали: половой акт между Дерябиной Еленой и Долматовым был. В момент полового акта потерпевшая была в состоянии алкогольного опьянения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.